

Дипломат

Автор:

Юрий Сотин

Дипломат

Юрий Сотин

Москва. Николай Смирнов, сын известных врачей-хирургов окончил Высшую Дипшколу. Началась война. Отец с матерью с санитарно-хирургическим эшелоном отправились на фронт. Коля попал на курсы в разведшколу. – Такие орлы нам нужны позарез. Высшее образование – дипломат, спортсмен, знаешь немецкий и итальянский. Так всю войну на фронте называли Колю – «дипломатом». Война сплотила боевых друзей навсегда. Книга о любви, дружбе, верности и трагической судьбе дипломата Николая Смирнова...

Дипломат

Юрий Сотин

Дизайнер обложки Кирилл Сотин

© Юрий Сотин, 2022

© Кирилл Сотин, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0056-5324-6

Глава 1. Начало

Москва. Осень 1945 года. Хорошая солнечная погода, люди радуются окончанию войны. Кругом веселье и смех, девушки с парнями гуляют, поют песни. По улице шагает молодой красавец-фронтовик, майор, вся грудь в орденах. Девушки-студентки оглядываются, смеются.

- Не нас ищешь, майор?

- Конечно вас, девчонки, но только завтра, сегодня не могу, дела.

Девчонки фыркнули.

- Какой серьезный, деловой, а сколько же тебе лет, майор?

- Много, я уже старый для вас, скоро 28-ой пойдёт.

Девчонки захохотали и побежали на учебу. Шел гвардии майор Николай Иванович Смирнов увольняться с военной службы. Хватит, навоевался, на передовой с сентября 1941 года. Коля шел и с удовольствием козырял всем военным. Про себя думал: « Не наkozyрялся за всю войну».

У Коли вдруг сжалось сердце, впереди возвышалось здание первого Московского мединститута. Сколько было связано с этим зданием, здесь сначала учились, а потом и работали его родители – потомственные врачи. Мимо проехала легковая машина и остановилась у входа в институт. Из машины вышел генерал-майор медицинской службы. Коля отдал честь генералу и услышал: «Ну-ка, подожди немного, майор».

Генерал подошел, поздоровался за руку, внимательно посмотрел на Николая и спросил:

– Как фамилия, мы с тобой не знакомы, майор?

Коля отчеканил: «Гвардии майор Смирнов, фронтовая разведка. Нет, мы не знакомы».

– А твое лицо мне, кажется, знакомо. Счастливо тебе, гляди веселей, война-то уже кончилась. Впереди мирная и счастливая жизнь. Где воевал?

– Сначала Ржев, Тверь, Великие Луки, а потом Варшава, Вена, Прага.

– Значит, действительно, обознался.

Генерал обернулся и пошел в институт. Колю бросило в пот. Знал он этого человека с детства. Это был Семен Самойлович Шварцман, друг и коллега отца, ведущий хирург Москвы с тридцатых годов. Коля присел на лавку. Руки тряслись, в голове была только одна мысль, почему не сказал, что они были знакомы много лет. Ведь он, Коля Васильев, сын его лучшего друга. Но как он мог в двух словах объяснить генералу, почему он поменял фамилию. Поплыли воспоминания.

Дядя Сема и тетя Соня частенько бывали у них в гостях, так же, как мама с папой и Коля. Дядя Сема всегда говорил отцу: «Иван, в гости приходи обязательно с Николаем Ивановичем, иначе не пушу».

Дядя Сема, шутя, называл Колю по имени и отчеству. Своих детей у них не было и всю любовь они отдавали Коле. Однажды перед новым годом дядя Сёма привез из Франции маскарадный костюм Д'Артаньяна. В комплекте были ботфорты, шляпа с пером и шпага. Восторгу Коли не было предела, такого оригинального костюма не было во всей школе. Несколько лет на праздники и карнавалы Коля щеголял в этом костюме. Он безумно гордился им. После каждой командировки за рубеж дядя Сёма обязательно привозил Коле подарок.

Как-то летом, после шестого класса, Коля вышел из квартиры и обмер. На лестничной площадке сверкал никелем великолепный велосипед. На нём висела табличка «Ко дню рождения Николаю Ивановичу от Семена Самойловича!». Коля остолбенел: такого велосипеда не было, наверное, во всей Москве. Вдруг появились радостные дядя Сема с тетей Соней. Коля бросился на шею к дяде Сёме: «Спасибо, дядя Сёма, вы волшебник, а ваша жена красавица».

– Нет, я маг и волшебник, факир и звездочет. Мы с твоим отцом самые счастливые мужья. Наши жены самые красивые во всем мире, – засмеялся он.

Этот счастливый день Коля запомнил на всю жизнь. Дядя Сёма с грустью сказал отцу: «Везет тебе, Иван, какая смена подрастает».

Как только Коля научился писать и читать, родители начали объяснять ему азы медицины. Они видели в будущем своего сына только врачом-хирургом. Отец писал кандидатскую диссертацию, и зачем-то объяснял сыну нюансы своего труда. У Коли насчет своей будущей профессии были совсем другие планы.

Летом сидели на даче и пили чай. Родители спорили о каких-то современных методах хирургии. Коля сидел в кресле-качалке и между делом заявил: «Папа и мама, вы не волнуйтесь и спокойно выслушайте меня. Я никогда не буду врачом».

Это был, как гром среди ясного неба. Лицо отца стало свекольного цвета, мама побелела и побежала за валерьянкой. Коля качался в кресле и продолжал: «Вам нравится лечить людей, это очень благородно. Вот и лечите. Не надо навязывать ребенку свое мнение».

Мама вернулась и села рядом с отцом. Отец грозно спросил: «Кем же ты, отпрыск, хочешь быть, по какой стезе пойдешь?»

– У меня два варианта, буду спортсменом или дипломатом.

На лице у отца зашевелились желваки.

– Так ты определись до конца?

– Ладно, родители, буду дипломатом, а в свободное время буду заниматься спортом.

Мама охрипшим голосом произнесла: «Дипломат-спортсмен, это что-то новое».

– Мам, я уже взрослый и не будем больше возвращаться к этому разговору.

Знала мать, что характером сын пошёл в отца. Спорить с ним было бесполезно, хоть убей.

Коля хорошо учился, занимался спортом, серьезно занялся изучением немецкого языка. Знал, что при поступлении в Высшую дипломатическую школу, это очень пригодится. В шестнадцать лет Коля выглядел, как его отец – высокий, красивый. Мама говорила друзьям: «Посмотрите на моих красавцев, хоть сейчас в кино снимай».

Коля очень любил своих родителей и гордился ими. Как-то предложил отцу один день в неделю говорить дома по-немецки, для практики. Отец, шутя, сказал: «Давай в четверг, в рыбный день».

Мама засмеялась: «А мне на каком языке говорить в четверг, может, на языке абракадабры».

Однажды вечером родители зашли к сыну в комнату. Отец сказал, что им срочно надо поговорить. Коля в это время зубрил уроки, произнес по-немецки: «Папа, в любом случае я буду только дипломатом и никем другим». Отец ответил также по-немецки: «Я молю бога, чтобы ты им стал».

– Пап, что-то случилось?

– Нет, ничего страшного, сын, просто мы с мамой разводимся.

Коля посмотрел на мать, её лицо было белее снега. Она вся тряслась, как в лихорадке, и тихо сказала: «Мы с папой разводимся, он скоро от нас уезжает. Теперь у нас будет моя девичья фамилия – Смирновы».

Родители развернулись и молча, вышли.

– О, майн гот, жизнь стала лучше, жить стало веселей, – только и произнес Коля.

Дочитал книгу и задумался, что происходит с родителями? Ведь у них прекрасные отношения, они не могут жить друг без друга. Ночью Коля услышал, как мама тихо шептала отцу:

– Прошу тебя, только не говори ничего сыну. Скажи, что у тебя появилась другая женщина, и ты с ней скоро уезжаешь.

– Валя, он уже взрослый парень, может всё рассказать, как есть? Вот же гады, уже до врачей добрались. Не смогу я, Валя, подписать это письмо-пасквиль. Жить после этого не смогу, это же мои коллеги, друзья. Вчера забрали Семена Шварцмана прямо из института. Срочно разводимся, и вы меняете фамилию, иначе всё отразится на Коле. С моей фамилией дорога в дипшколу ему будет закрыта. Скоро я буду врач-вредитель, или врач-бандит, и также пойду по этапу.

Коля все понял, отец не хочет испортить ему карьеру и жизнь. В газетах мелькали разоблачения, статьи: «Дело врачей», «Сионистский заговор». Раскрыто уголовное дело врачей, обвиняемых в убийстве ряда советских лидеров, во врачебном коварстве и использовании ядов. В журнале «Советская медицина» писали, что многие знатные профессора, врачи, требовали расстрела проклятых оборотней в халатах. Вскоре родители развелись. Коля поменял фамилию и стал Смирновым. Перед тем, как уходить, отец сказал: «Береги мать, когда-нибудь я тебе всё объясню. Помни, для меня нет на земле никого дороже вас». Взял чемодан и пошел вниз по ступенькам.

Иван Семенович Васильев шел с чемоданом на вокзал и думал о своей жизни. Родился в Москве в семье потомственных врачей. В первую мировую войну совсем юным работал санитаром в госпиталях. Насмотрелся на больных, обмороженных, раненых бойцов. Позже поступил в старейший мединститут России. В гражданскую войну окончил ускоренный выпуск на факультете военно-полевой хирургии. Попал на фронт в звании зауряд-врача. Проводил операции в блиндажах и даже в окопах на линии фронта. После гражданской войны вернулся в Москву. Работал в госпитале главным хирургом, там встретил свою вторую половинку. Эту красивую половинку, любовь всей его жизни, звали Валей, Валюшей. Она работала врачом в этом же госпитале. Вскоре они поженились, через год родился сын Коленька. Пятнадцать лет работал Иван, как вол, провел сотни сложнейших операций. Многие больные были благодарны ему за спасение по гроб жизни. Не было у него ни выходных, ни праздников – только операционный стол. По ночам работал над диссертацией. Часто он приходил домой, смертельно усталый, падал в прихожей на пол и засыпал. Валя снимала с него пальто, ботинки и тащила мужа на кровать. В 1930 году защитил кандидатскую диссертацию, стал одним из ведущих хирургов Москвы. А теперь власть выкидывает его из Москвы, как шелудивого пса. За то, что он не подписал письмо-пасквиль. Какие же они врачи-убийцы, это просто бред,

но это кому-то нужно.

Направили его в районную больницу в Горьковскую область. На прощание приговаривали: «Скажи спасибо, что едешь не на Колыму со своим другом Шварцманом. Благодарю бога, что ты русский, а не еврей, и не бывал в Германии».

– Спасибо, благодетели. Что-то не то, в этом сказочном королевстве творится. Поехали, жизнь рассудит, – пробормотал Иван, заходя в обтрепанный вагон поезда Москва – Горький.

Прошло время. Коля учился в дипшколе на отлично, был на хорошем счету. После учебы бежал в спортзал, серьезно занялся боксом, входил в сборную института. Мама строго раз в месяц ездила в командировку. Коля давно знал про эти командировки, но не подавал виду. Кончался 1938 год, мама собиралась в очередную командировку. Она зашла в комнату Коли и робко спросила: «Если я встречу новый год с коллегами по работе?».

– Мам, ну что ты у меня спрашиваешь, я тут с друзьями не заскучаю.

Мама просияла: «Тогда я рано утром тридцать первого уеду к друзьям, а третьего января буду дома».

– Хорошо, мама, договорились.

Утром она собрала большой баул и уехала. Как только закрылась дверь, Коля вскочил и быстро стал собираться в дорогу. Приехал на вокзал, взял билет до Горького и сел в углу зала читать газету. По громкоговорителю объявили посадку. Коля видел, как мама прошла с сумкой по перрону и зашла в третий вагон. Коля подумал: « Слава богу, пронесло, что у него девятый вагон». Вечером поезд прибыл на вокзал в Горький. Мама вышла на перрон и пошла к автобусной остановке. Коля решил сделать сюрприз, появиться у родителей прямо под бой курантов. Около двенадцати он зашел в двухэтажный деревянный многоквартирный дом. Во всех квартирах было весело. Шум-гам, играл патефон, по всему дому витали запахи вкусной еды, вина и папирос. Коля постучал, дверь открылась. На пороге стоял отец, он только и вымолвил: «О лучшем подарке на новый год я и мечтать не мог». Они обнялись, мама подскочила и заплакала.

- Опять мы все вместе. Валя, ты чего плачешь, через пять минут новый год!

- Это я, мой милый доктор, от счастья, мы не виделись все вместе столько времени. Отец прокричал громовым голосом: «Быстро все к столу, Коля наливай шампанского!».

И опять все встало на свое место, как будто и не было этих черных лет. Веселились, танцевали, смеялись, поздравляли друг друга с новым годом. Утром в двери постучали, отец пошел открывать. Мама с ужасом смотрела на дверь. На порог зашла молодая, красиво одетая женщина.

- Здравствуйте, я могу видеть Ивана Семеновича?

- Да, конечно, я перед вами.

Женщина зарыдала и встала на колени, руками обняла ноги Ивана Семеновича.

- Бога ради спасите моего сына, если он умрет, я умру вместе с ним.

- Встаньте с колен, успокойтесь и объясните в чем дело?

- Мы недалеко здесь живем, справляли праздник. Утром уложила сына в кровать, у него заболел живот, я дала ему таблетку от расстройства желудка. Васе становилось все хуже, я вызвала скорую помощь. Врач приехал, обследовал сына и сказал, что похоже на аппендицит. Предупредил нас, что везти до больницы опасно, возможно нужна операция. К вам обращаться муж побоялся, сказал, что доктор нас всех ненавидит.

- Что за бред, кого это я ненавижу, кто ваш муж?

- Иванцов Павел Иванович, секретарь райкома.

- Люблю или ненавижу, это все дребедень на постном масле, причем здесь ваш сын? Вы на машине?

Женщина кивнула.

- Идите к машине, сейчас мы выйдем.

- Валя, срочно одевайся, сможешь мне провести операцию.

Через десять минут машина мчалась по заснеженной дороге.

- Иван Семенович, тут рядом, тут совсем рядом, - шептала женщина.

Подъехали к дому, на крыльце стоял и курил папиросу хозяин дома. Опустив глаза, тихо проговорил: «Спасибо, что приехали, помогите сыну».

Мальчик лежал в кровати и тихо постанывал.

- Ну, герой, рассказывай, что болит? - произнес доктор.

- Живот болит сильно и немного голова.

Врач начал ощупывать живот, мальчик ойкнул. Измерили температуру.

- Острое, соленое, копченое вчера ел?

- Нет, только котлеты и торт.

Иван Семенович поднялся с кровати.

- Валя, что скажешь, каков твой диагноз?

- Зачем ты спрашиваешь, все и так очевидно.

Вышли на воздух. Тут же подошли родители: «Доктор, что с ним?»

- Острый аппендицит, врач скорой правильно поставил диагноз. Надо срочно оперировать, транспортировать опасно, будем готовиться к операции на месте.

Доктор позвонил в больницу: «Клава, срочно привези инструменты, наркоз и все остальное для операции – острый аппендицит».

– Иван Семенович, сейчас всё привезут, но помощников никого нет, праздник же.

– Никого не надо, у меня есть ассистент, кандидат медицинских наук. Наверное, справится, – посмотрел на жену и подмигнул. – Ассистент, готовьтесь к операции.

Через два часа сделали операцию. Мальчик спал, наркоз ещё действовал. Сели пить чай. Мама Васи спросила: «Доктор, как прошла операция, что с сыном?»

– Все хорошо, мальчик спит, операция прошла успешно. Главное, что вы вовремя обратились. По такой дороге опасно было вести мальчика в больницу. Вечером приедет медсестра, сделает обезболивающий укол и будет всю неделю навещать Васю. Думаю, что через пару неделек будет как новенький.

Женщина схватила врача за руки и стала их целовать. Иван вскочил.

– Что вы делаете, перестаньте, это же моя работа.

Когда выходили из дома Павел произнес: «Иван Семенович, простите меня бога ради, если сможете и спасибо вам за Ваську».

– Павел Иванович, я на тебя не обижаюсь. Должность у тебя такая собачья – говорить одно, а делать другое. Да и время сейчас не самое лучшее, до свидания.

Врачи сели в машину и уехали домой. Жена подошла к мужу.

– Извинился, повинился за всё. Уйду я от тебя Паша, не хочу, чтобы Васька на тебя был похож.

Павел Иванович стоял на крыльце и курил, вспоминая первую встречу с доктором полтора года назад...

В райкоме шло совещание, второй секретарь отчитывался за первое полугодие. Степан Михайлович был старше Павла на два года. Они дружили семьями, их сыновья ходили в один детский сад, а потом в одну школу. Вторым секретарем Степан работал уже несколько лет, был хорошим работником и душевным человеком. В коллективе его уважали и любили, прочили ему большое будущее. Прочитав доклад, Степан налил себе воды из графина в стакан, вдруг захрипел и упал. Графин со стаканом покатались по столу, и свались на пол, разбившись вдребезги. Люди подскочили, подняли и положили Степана на диван. Павел Иванович вызвал скорую помощь и помчался вместе с другом. Заскочил в больницу и закричал: «Где главврач, срочно сюда».

Появился Иван Семенович.

– Что случилось, что за крик?

– Я – первый секретарь райкома, срочно посмотрите больного.

После осмотра доктор сказал, что это обширный инфаркт. Больного срочно на операционный стол, но надежды мало.

После операции врач вышел. В коридоре его ждали жена и сын Степана, секретарь райкома. Иван только покачал головой: «Сердце остановилось, это у него третий инфаркт». Секретарь схватил за грудки доктора: «Остаток жизни ты проведешь в Магадане, лепило. Тебе коновалом работать, а ты людей режешь насмерть, поэтому тебя сюда и сослали».

Иван побледнел и спокойно ответил: «Я не бог, все что мог, сделал».

Врач повернулся и пошел к себе в кабинет. Через неделю из области приехала комиссия и дала заключение, что действия хирурга правильны, причина смерти – инфаркт миокарда...

Прошло полгода. Вечером Коля готовился к экзаменам, мама готовила ужин. Позвонили в дверь.

– Коля открой, я занята на кухне.

Быстро открыл дверь и обмер – на пороге стоял сияющий отец.

– Что, не ждали вечернего гостя, а то я без приглашения.

– Коля, кто пришел в такое время?

– Мам, это к тебе, по работе.

Мама вышла в переднике с поварешкой в руке. Глянула на мужа и тихо промолвила: «А у меня и ужин готов». Поварешка выскочила из рук и покатила по полу. Валя кинулась на шею мужа: «Почему же ты не позвонил?». Отец прошептал ей на ухо: «Забыл, я же старый, больной доктор».

Все засмеялись и бросились целоваться. За ужином отец рассказал, что звонил секретарь обкома в райком. Сказал, что есть предписание сверху вернуть его в Москву, на прежнее место работы.

– Вот загадка, кто мог за меня вступиться?

– Иван, вот ты ученый, знаменитый хирург, а все же дурак, – сказала мама.

– Спасибо, жена, я давно об этом знаю, не для кого это не секрет. Ну, Валя, продолжай, формулируй свою мысль, это даже интересно.

– Иван, это секретарь райкома Павел ходатайствовал в обкоме о твоём возвращении в Москву.

Отец почесал затылок, действительно, от ненависти до любви один шаг.

– Да он тебя-то не шибко любит.

– А что так, Валя?

– Ты окончательно отупел в провинции, есть такая поговорка: муж – голова, а жена – шея, как повернет, так и будет.

– Спасибо жена, теперь я все понял.

– Наконец-то, милый мой тугодум.

Все засмеялись, отец торжественно заявил: «Наливай, Коля, за возвращение блудного доктора, надеюсь окончательное. Ура!»

Прошло время, наступила весна 1941-го. Коля готовился к госэкзаменам, скоро защита дипломной работы. Целыми днями пропадал в институте и в библиотеке, домой приходил поздно вечером. Он мечтал защититься на отлично, иначе стыдно будет перед родителями. Отец в последнее время был немногословен, сух и сосредоточен. На вопрос Коли, что с ним, всегда с юмором отвечал: «Со мной, сын, всегда что-то происходит».

Поздно вечером на кухне отец рассказывал матери о совещании в наркомздраве.

– Валя, сегодня вышел приказ – отозвать всех работников из отпуска. Срочно набирать ускоренные курсы санитаров, фельдшеров. Во всех медвузах выдать дипломы выпускникам в июне. Встретил знакомого МГБиста, он по секрету сказал, что срочно возвращают всех врачей из мест не столь отдаленных. Замнаркома мне сказал: «Готовь срочно группы молодых хирургов и к каждой прикрепи опытных врачей». Когда я спросил, сколько групп нужно? Он ответил, чем больше, тем лучше, подробности позже. Да еще велел собрать данные по Москве об объемах донорской крови.

Валя побледнела и спросила:

– Неужели, к войне готовятся?

– Мы с тобой не политики и не военные, а только врачи. Но по всем признакам, дело идет к войне.

– Как бы я хотела, чтобы ты ошибался.

Коля лежал на кровати, дверь в кухню была открыта, он слышал весь разговор. В дипшколе только и говорили: с Германией подписан пакт о ненападении, войны не будет. Но в душе каждый понимал, что пакт, это только бумажка.

Гитлер захватил пол Европы и стоит в Польше у наших границ. Коля успешно сдал госэкзамены и получил долгожданный диплом.

22 июня в полдень по радио выступил нарком иностранных дел Молотов: «Сегодня в четыре утра без объявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Отца назначили формировать медико-хирургический эшелон. Целыми днями он мотался по всей Москве, собирал команду врачей, санитаров, медсестер. Мама была тоже в команде этого медэшелона.

Коля пришел домой и увидел на столе записку. Каллиграфическим отцовским почерком было написано: «Дорогой сын, мы с мамой со своим медэшелоном срочно отправились на запад к линии фронта. Будем лечить наших раненых бойцов, особо тяжелых будем привозить в Москву в госпитали. Извини, Коля, даже не было времени проститься с тобой. Мама оставила тебе крестик, он сбережет тебя, храни его. Дай бог, до скорой встречи, обнимаем и целуем тебя. Мама очень переживала, что так и не попрощалась. Сам понимаешь, война».

Коля подошел к военкомату. Там стояла огромная толпа. Он встал в очередь, подал заявление об отправке его на фронт в действующую армию. Суровый майор посмотрел документы и произнес: «Рассмотрим твоё заявление, жди повестки».

Через три дня получил повестку в спецшколу, которая находилась в ближнем Подмосковье. Подошёл, постучал в дверь начальника школы. Услышал командный голос: «Заходите».

– Курсант Смирнов прибыл для прохождения службы.

За столом сидел моложавый подполковник. Его лысая голова блестела, как бильярдный шар.

– Проходи, курсант Смирнов, личное дело я твоё посмотрел. По бумагам, такие орлы нам нужны позарез. Высшее образование, дипломат и боксер, знаешь немецкий, итальянский. Такие курсанты, это мечта для любого начальника спецшколы, – сказал подполковник и громко засмеялся. – Школа наша готовит

диверсантов, разведчиков, минеров, взрывников, снайперов. Тебя будем готовить на командира группы. Сроки обучения минимальны, сам понимаешь, какая обстановка на фронтах...

Начались армейские будни. Прошло три месяца, Коля окончил спецшколу, получил звание лейтенанта. Как-то Николая срочно вызвали к начальнику школы.

- Разрешите, товарищ подполковник?

- Заходи, Коля, садись, - пододвинул пачку «Казбека».

- Не курю, товарищ командир.

Подполковник стоял и курил, молчал и смотрел в окно. Потом выдал из себя:

- Тут такое дело, сегодня из Москвы сообщили - фашисты разбомбили санитарный эшелон, где служили твои родители. Коля побледнел, встал со стула.

- Где и когда это случилось?

- В июле, в Белоруссии или на Смоленщине, эта территория уже под немцами. Больше никакой информации об этом нет. Может дать тебе увольнение на пару дней, больше не могу.

- Нет, не надо, мне с ребятами будет легче, чем одному в квартире.

- Тоже правильно, держись сынок, может быть родители и живы, на войне всякое бывает. Поверь старому служаке.

- Разрешите идти, товарищ подполковник?

- Нет, обожди, ещё есть дело. У меня майор из фронтовой разведки набирает себе людей. Ему нужны бойцы, которые говорят на немецком. Готовит группы для особых заданий штаба фронта. Пойдешь Коля к нему, здесь твое согласие нужно?

– Да, согласен. Если меня возьмут, я буду рад. Надо мне с фашистами рассчитаться за родителей.

– Добро, Коля, документы о переводе я сейчас оформлю, плюс мои рекомендации. Прощай, дипломат, иди к своему новому начальнику, – крепко пожал руку.

Коля зашел в кабинет к майору.

– Товарищ майор, лейтенант Смирнов по вашему приказанию прибыл.

– Заходи, лейтенант, жду тебя не дождусь. Николай, надеюсь, мы сработаемся, будешь служить у меня в подчинении. Я, майор Миронов Федор Александрович, формирую диверсионные и разведывательные группы на Калининский фронт. Будем прикрывать фронт на север от Селижарова и до Демянска. Наша задача, небольшими группами проникать на оккупированную территорию, вести разведку, поставлять сведения о группировках немцев и их дислокации. При надобности, наносить ущерб – взрывать дороги, мосты, склады с боеприпасами. Бойцы из твоей группы хорошо обучены, правда, есть и молодые, ещё необстрелянные. Почти все говорят по-немецки, ну сам понимаешь, не шибко хорошо. Я к чему это все тебе объясняю. Часто группа будет действовать по ту сторону фронта, да ещё и в немецкой форме. Должны быть, вылитые фрицы.

Коля с удивлением поднял брови.

– А ты как думал, просто в рукопашную с криками ура на фрицев? У нас задачи намного сложнее и ответственней, от нас будут зависеть жизни тысяч бойцов. Служба секретная, опасная, будем ходить, как по лезвию бритвы. Непосредственно и оперативно подчиняемся заместителю командующего фронтом генерал-лейтенанту Дорохову. Других командиров, кроме меня и Николай Палыча, у тебя нет.

Майор засмеялся и похлопал Колю по плечу.

– Не дрейфь, лейтенант, скоро тебе полковники будут козырять. Я не шучу, такая служба у нас в разведке. В твоей группе десять человек, каждый на вес золота. Не стесняйся у них учиться воевать, многие прошли Халхин-Гол,

Испанию, финскую. Пошли знакомиться, не робей, не боги горшки обжигают, дипломат.

- Да какой я дипломат, ни одного дня не проработал. После дипшколы сразу в спецшколу и потом к вам...

Майор с Колей подошли к группе бойцов. Крепкий усатый старшина зычно крикнул: «Смирно, равнение на середину. Товарищ майор, группа в составе десяти человек построена. Старшина Масалов».

- Здравствуйте, разведчики!

- Здравия желаем, товарищ майор, - громко рванули бойцы.

- Видишь, лейтенант, эти орлы ревут, как белуги. Вольно. Вот ваш командир, лейтенант Смирнов. С этого дня он вам отец, мать и командир.

Высокий сержант заметил: « Для отца, больно молод, для матери - пол не тот, а для командира, поживем, увидим». Бойцы захохотали.

- А по-немецки балакать можешь, лейтенант? - спросил его небольшого роста ефрейтор.

Коля покраснел.

- Конечно, могу по-немецки и по-итальянски.

- А по-ненецки можешь?

- Нет, не могу.

- Эх, ты дипломата - а я, могу.

Вся группа загоготала так, что вороны с деревьев слетели. Майор крикнул: «Канев, отставить разговоры, иначе трубку отберу, заодно и собак».

– Молчу, товалиса майора.

Группа, ещё больше захохотала, майор вытер глаза от слез.

– Принимай группу лейтенант, да построже с этими артистами.

С этого дня, так и стали на фронте называть Колю дипломатом...

Коля очнулся, глянул на часы, ядрена вошь, опаздываю. Если не успею вовремя, то точно не подпишут рапорт об увольнении в запас. Коля рванул по набережной бегом. Постучал в заветную дверь, на которой висела табличка «Нач. отдела кадров полковник И.И.Ковалев».

– Войдите.

За столом сидел седовласый, грузный полковник. На носу висели круглые очки, лицо его было приветливым и добродушным.

– Товарищ полковник, майор Смирнов по вашему приказанию прибыл.

– Я бы тебе, майор, приказал служить в армии, да ты не хочешь, – засмеялся полковник. – Заходи дипломат, заходи герой!

– Кто обо мне опять натрепался, вроде недавно из Праги прибыл.

– Зачем так говоришь, дорогой, не только дурная слава, но и хорошая впереди тебя бежит. Приказ о твоём увольнении в запас генерал подписал. Но просил, чтобы я тебя уговорил остаться в армии. Я вижу, что это бесполезно.

– Так точно, бесполезно, товарищ полковник, повоевал и хватит, пора на гражданку.

– Слушай, майор, пока не расскажешь сам, как ты в 1943-ем немецкого полковника напоил. Да так, что он Москву с Берлином перепутал, не отдам приказ. Командующий, говорят, как узнал об этом, хохотал так, что в штабе стены ходуном ходили.

– Товарищ полковник, эти штабисты так всё приукрасили, хоть стой – хоть падай.

– Коля, расскажи, у меня коньяк есть армянский.

– Расскажу только потому, что у вас есть коньяк, да ещё с лимоном.

Полковник разлил коньяк: «За победу, майор, и за тех, кто не вернулся!». Позвал дежурного офицера: «Полчаса меня ни для кого нет, обед».

– Расскажу, товарищ полковник, иначе вы мне приказ всё равно не отдадите.

– Конечно, не отдам. Ты хочешь коньяку надурничку выпить, забрать приказ и спокойно уйти?

– Все сдаюсь, ваша взяла!

Коля начал свой рассказ, полковник закурил и был весь во внимании...

Осенью 1943 года готовилось большое наступление. Разведка день и ночь таскала «языков». Командир фронтовой разведки собрал всех офицеров: «Что это за „языки“ – то саперы, то интенданты, то вообще с похоронной команды. Мне необходимы штабные офицеры, командиры подразделений, не меньше. Я должен знать всю обстановку: дислокацию частей, что творится у немцев в тылу, где находятся их боезапасы. Какие будут предложения?»

– Разрешите, товарищ генерал.

– Давай, полковник, только коротко.

– С той стороны от партизан передали весточку. В городе появился штабной офицер из Берлина. Похоже, привез приказы, гоняет по передовой уже третий день.

– Так срочно свяжитесь с партизанами, поймайте этого штабиста, вот такой жирный кот нам и нужен. Кого думаешь направить к партизанам?

– Думаю, что «дипломата», извините, старшего лейтенанта Смирнова с его орлами.

– Почему его?

– Во-первых, он отлично знает немецкий язык, во-вторых, его группа постоянно взаимодействует с партизанами, в-третьих, лучше его группы на фронте у нас нет.

– Три дня тебе сроку, больше не могу, в любой момент может придти приказ из ставки о наступлении. Если облажаемся, не сносить нам всем головы.

– Ночью группа из пяти человек перешла линию фронта, к утру уже были на базе партизанского отряда. Собрались в штабе командира отряда Гапеева Александра Семеновича. До войны он был военкомом в городе. С начала войны по решению обкома возглавил партизанский отряд.

– Операцию мы, в общем разработали. Начштаба, доложи детали разведке.

– Каждое утро в 9.00 этот немецкий штабист садится в машину и едет на передовую. Вероятно, развозит приказы по частям и на месте собирает информацию о наших войсках. По ходу движения машины есть узкое место, двум машинам не разъехаться. В этом месте Коля с ребятами должен перекрыть им дорогу и поменяться машинами, – засмеялся начштаба. – И вместе с немцем гнать к передовой, а там мы встретим. Только, Коля, смотри, чтобы рессоры на машине выдержали.

– А что, дорога плохая?

– Дорога хорошая, только этот хряк килограммов 150 весит, не меньше.

Все засмеялись, тащить придется всей группой. Командир отряда произнес: «Ребята, готовимся к операции, с утра начнем».

Утром Николай выехал на легковой машине с двумя помощниками. Все были переодеты в немецкую форму. Коля скомандовал: «Здесь стоп – сломались. Егор под капот, Миша в машине. Сзади посигналила машина, подошел водитель,

спросил: «Что случилось, мне срочно надо проехать».

- Все хорошо, лучше некуда, - ответил Коля по-немецки и ударил немца под дых.

Ребята потащили его в свою машину. Сами сели вместе с Николаем в машину немца и погнали за полковником. Подъехали вовремя, полковник уже ждал. Коля открыл дверь.

- Прошу, господин полковник.

- А где Курт?

- Да, тут такая история, Курт выпил вечером столько шнапсу, что не мог утром в машину залезть.

- Вот же свинья, я смотрю у него постоянно нос красный, - засмеялся полковник.

- Так точно, господин полковник, - даже не красный, а сизый.

- Давай гони на третье КПП.

Отъехав за город, Егор вколол немцу в шею снотворного. Коля открыл портфель, там были документы, полевые карты и бутылка французского коньяка. Коля откупорил бутылку и залил коньяк в рот спящему немцу.

- Коля, это зачем, чтобы ему лучше спалось?

- Нет, ребята, это для запаха. Приготовьтесь, подъезжаем к КПП.

К шлагбауму вышел обер-лейтенант, посмотрел на полковника, тот храпел, как богатырь. Коля щелкнул себя по горлу и произнес: «Немного перебрал вчера полковник, пока доедем до места, проспится».

Обер-лейтенант посмотрел на спящего полковника и сказал: «Ну и дурман у тебя в машине, хуже, чем в баре. Проезжай».

Машина рванула по лесной дороге. Коля предупредил ребят, сейчас на КПП нас не пропустят, рядом передовая, действуем по обстановке. На КПП стояли двое немцев, чуть дальше сидел ещё один, с пулеметом.

– Стой, ваши документы?

Коля вышел из машины.

– Привет, ребята, полковник набрался, а я тут петли вью второй час. Далекотут до танкистов, приказы везем?

Немцы посмотрели на полковника и рассмеялись.

– Ты так можешь доездиться, что к русским попадешь, здесь рядом.

Николай засмеялся и сказал: «Да, я к ним и собираюсь». Двумя выстрелами из парабеллума уложил двоих немцев, третьим – пулеметчика. Заскочил в машину и крикнул: «Гони, теперь можно по-русски говорить».

Машина рванула по извилистой дороге к месту, где их ждали партизаны. Ночью переправились через линию фронта к своим.

– Коля, поступил приказ, грузиться тебе со своим боровом в самолет и на Москву, – сказал командир партизанского отряда.

– Так почему я, зачем я-то там нужен?

– Будешь по-немецки ему в самолете колыбельную петь, приказы не обсуждаются, – засмеялся командир отряда.

Ночью самолет взлетел и взял курс на Москву. Николай с ненавистью смотрел на немца. Таких тучных военных он ещё не видел. Сапоги сзади разрезаны, икры не вмещаются, на галифе вшиты огромные клинья. Видно нет в Германии таких размеров. Про таких в России говорят – аж щёки со спины видать. Полковник открыл глаза.

– Почему мы в самолете, куда мы летим?

- Гитлер вызвал нас в Берлин, награждать будут.

- Я ничего не помню, что мы сделали?

- Мы за ночь много натворили, господин полковник, я потом вам все расскажу, - ответил Коля и подал ему бутылку с коньяком.

Полковник хлебнул остатки коньяка и захрапел с новой силой. Из кабины вышел лётчик и спросил: «Что он хотел?». Когда Коля рассказал, летчик от хохота еле дошел до кабины.

- Да, этим летунам весело, а я должен эту свинью в Москву сопровождать.

Через два часа самолет сел на военный аэродром в Москве. Ехали на машине по ночному городу. Коля смотрел в окно, узнавал знакомые с детства улицы. Немец очнулся, поглядел в стекло.

- Мне кажется, это не Берлин?

- Это Москва.

Немец удивленно посмотрел на Колю.

- Мы что самолеты перепутали?

Машина резко затормозила, сопровождающие офицеры давились от хохота. Водитель хрипел: «Не могу я дальше ехать, пусть „дипломат“ сам его в генштаб везет». Машина вся тряслась от дикого гогота, после этого пошли анекдоты про «дипломата».

Коля рассказывал всю эту историю полковнику Ковалеву с серьезным, непроницаемым лицом. Лицо полковника сначала было розовым, потом стало малиновым, в конце уже было бордовым. Он тихо прошептал: «Дипломат, прекрати, я сейчас обмочусь». Полковник заревел гомерическим хохотом, слезы лились ручьем с его глаз.

– Я так смеялся, пожалуй, только до войны в цирке. Так майор, теперь по делу. Чем думаешь заниматься на гражданке?

– Пойду на кафедру в дипшколу, может, подскажут, куда мне податься.

– Я сейчас сделаю один звонок, там видно будет. Иван Михалыч! Ковалев беспокоит. У меня сейчас сидит майор, уходит в отставку. Окончил до войны дипломатическую академию, знает немецкий и итальянский, лихой герой-разведчик.

– Иван, у меня зарез с кадрами, передай своему герою-разведчику, чтобы завтра к десяти утра ко мне. Пропуск будет на входе, – услышал он в ответ.

– Коля, я говорил с самым главным человеком в Наркомате иностранных дел по кадрам. Завтра в 10.00 он тебя ждет. Пойдешь?

Коля от неожиданности потерял дар речи, побледнел.

– Товарищ полковник, благодарю вас, я и мечтать не мог об этом. Я не пойду, я полечу!

– Рано меня благодарить, будут проблемы, звони. Имей в виду, Михалыч – мой друг с детства, если пообещал, значит сделает. Счастливо, Коля, все у тебя будет хорошо!

Коля выскочил на улицу и окрыленный закричал во всю глотку «Ура, Ура, Ура!»

Прохожий улыбнулся и сказал: «Майор, парад кончился ещё летом».

– А для меня он ещё продолжается! – ответил Николай.

На тротуаре шла бойкая торговля цветами. Среди торгующих женщин стояла высокая черноволосая девушка с большими карими глазами. Он подошел к ней и обратился с вопросом.

– Что предложите, милая цветочница?

- Товарищ майор, пожалуйста, выбирайте: тюльпаны, астры, георгины, розы. Вам кому - девушке, жене, маме?

- Девушке, и самые красивые. На ваш взгляд, какие лучше?

- Я бы взяла вот эти розы. Вам сколько штук?

- Все розы, которые у вас есть.

Девушка посмотрела на Колю.

- А вы донесете их до своей девушки?

- Постараюсь, вы до какого часа торговать будете?

- До семи. А зачем вам знать?

- Я подъеду к вам в семь часов на такси и заберу цветы, добро?

- Да, конечно, подъезжайте, но не опаздывайте.

Коля подъехал на такси вечером, девушка стояла с огромным букетом роз. Коля открыл дверцу машины и сказал.

- Прошу вас, милая цветочница.

Девушка покраснела.

- Забирайте, пожалуйста, цветы. Думаю, ваша девушка будет очень рада такой красоте.

- Садитесь, я вас подвезу.

В машине они разговорились.

- Меня зовут Николай, а вас?

- Таня, Татьяна.

- Можно вас называть Танечкой?

- Нет, меня так называли только папа и мама. Их уже нет, умерли в 1942-ом в Ленинграде в блокаду, - помолчав, грустно сказала она.

- Извините, Таня, у меня тоже погибли родители, ещё в начале войны. Таня, такое предложение - сегодня у меня большой светлый праздник, давай проведем его вместе?

- Так мы с вами практически не знакомы.

- Нет, мы знакомы, уже пять минут, - глянул Коля на командирские часы.

И глядя друг на друга, они засмеялись.

- А как же ваша девушка, цветы?

- Насчет девушки я приврал, а цветы это для вас, согласны?

Она кивнула в ответ.

- Таня, давай перейдем на ты?

- Хорошо, Коля, давай!

Коля похлопал по плечу таксиста.

- Вези, извозчик, самую красивую девушку Москвы в самый лучший ресторан, гуляем.

В ресторане Таня спросила, что сегодня за праздник?

– Праздник большой, сегодня я последний день ношу погоны, – громко заявил на весь ресторан. – Я ухожу в запас!

– Я думала, что сижу в ресторане с будущим генералом, – и звонко рассмеялась.

Коля разлил шампанское, встал и торжественно сказал.

– Надеюсь, я буду генералом, но в другой сфере!

– В какой такой сфере?

– Ты узнаешь об этом первая завтра, – загадочно подмигнул Коля.

Глава 2. Новая жизнь

Утром Коля был уже в наркомате. Сидел в приёмной и думал, как судьба на этот раз поступит с ним? Это на войне он был герой, а на гражданке пока никто. Открылась дверь, появился секретарь.

– Смирнов, прошу.

Коля с трепетом шагнул в кабинет. За большим столом покрытым зелёным сукном сидел черноволосый, одетый в гражданский костюм мужчина лет пятидесяти.

– А, Смирнов, заходи герой, заходи дипломат.

Коля густо покраснел, и в наркомате про него уже анекдоты уже ходят.

– Ты не обижайся, майор, на старых тыловых крыс. Мы с Ковалевым с детства знакомы, можно сказать, почти братья. Вот он про тебя всё и рассказал. Давай по теме. Смотрел твоё личное дело. Теоретически ты нам подходишь, есть только одно «но».

Колю бросило в пот, мелькнула мысль, вот и все, размечтался вояка.

– Нет опыта работы в наркомате, – продолжал Иван Михайлович. – Но опыт дело наживное. Кадры мне нужны позарез. Сколько мы дипработников за войну потеряли, да каких, – и в сердцах ударил кулаком по столу так, что зазвенел графин с водой. – Не обращай на меня внимания, нервы. Проклятые фашисты! Всё, поехали дальше. Семья есть, где живешь? Сам понимаешь, в нашем ведомстве проверяют кадры, как под рентгеном.

– Живу в Москве в квартире родителей, они погибли летом 1941-го. Родители были врачами, санитарный поезд разбомбили фашисты. Пока холостяк, но это временно.

– Немецким, итальянским языками владеешь в совершенстве?

– Немецким в совершенстве – всю войну практиковался, а с итальянским похуже будет.

Иван Михайлович усмехнулся.

– Что, за всю войну ни одного итальянца не встретил?

– Пару раз под Ленинградом допрашивал языков, вот и вся практика итальянского.

– В сентябре был набор на шестимесячные курсы при наркомате для подготовки работников посольских и консульских представительств. Предлагаю тебе пройти эти курсы, заодно подтянешь итальянский. По окончании курсов весной рванешь в Италию, создавать в Неаполе генконсульство. Что, герой, как тебе мое предложение?

Лицо Коли от волнения покрылось пятнами.

– Если честно, страшно как-то.

– Всю войну не страшно было немцев бить, а тут испугался?

– Никак нет, готов приступить к работе.

– Вот это другой коленкор, сделаем из тебя настоящего дипломата, не боги горшки обжигают.

Раздался телефонный звонок, Иван Михайлович поднял трубку.

– Да, слушаю. Все понял, что ты за него так печешься, не родственник ли? – сказал в трубку и уже непосредственно Николаю. – Попробуй тебя на работу не возьми. Так полковник Ковалев пригрозил на рыбалку не пригласить, вот так друг. Хлебнул Иван за эти годы, выше крыши. В бою за оборону Севастополя погибли два его сына-близнеца, артиллеристы. В начале войны подал рапорт на фронт – отказали. Тяжелое ранение получил еще в Испании. Жена Ивана, Клава, умерла от горя, не смогла перенести смерть сыновей. Смотрит на тебя Иван, а видит своих ребят, и я его понимаю. Пиши заявление о приеме на работу, с завтрашнего дня ты работник наркомата.

Коля вылетел пулей на улицу. Подумал, что обещал Тане первой все рассказать. Рванул туда, где шла бойкая торговля цветами. К Тане стояла длинная очередь молодых мужчин. Каждый хотел купить букетик только у этой красивой цветочницы. Коля подошел к толпе и громко заявил, что на сегодня торговля цветочной лавки закрывается – санитарный день! Она открыла рот и не могла промолвить ни слова, изумленно глядя на Колю. Очередь заволновалась.

– Танюша, как это закрывается, нам срочно нужны цветы.

– Санитарный день, – прошептала она, медленно подошла к Коле и бросилась к нему на шею.

Вся очередь захлопала, а старая торговка изрекла.

– Все, пропала девка, не будет у нас теперь столько покупателей без Танюшки!

– Красивей этой пары, я в жизни не встречала, – с умилением заявила другая тетка.

Они шли по залитым осенним солнцем улочкам Москвы, держась за руки. И не было никого на свете счастливее их! Коля нес большую корзину с цветами, прохожие оборачивались, любясь на влюбленных.

Один парень шутливо сказал.

– Эй, майор, загс-то в другой стороне!

– Загс от нас никуда не убежит, правда невеста? – невозмутимо ответил Коля.

– Я и не знала, что уже невеста, – засмеялась Таня.

– Для тебя сегодня это не последний сюрприз, – поставил Коля корзину с цветами и поцеловал Таню. – Пошли домой, там все вопросы и порешаем.

– Слушаюсь, мой любимый, командир!

Они зашли в квартиру. Коля с порога брякнул, располагайся, мол, и начинай командовать, теперь ты хозяйка этого очага! Таня от неожиданности густо покраснела.

– Разве так можно шутить?

– Я не шучу, прошу к столу.

Коля наполнил фужеры и торжественно заявил.

– Дорогая Таня, ты будешь моей женой?

– Да, Коля, да я буду твоей на всю жизнь! С женитьбой мы определились, а что с твоей «сферой»?

– Меня взяли на работу в Наркомат Иностранных Дел. Предлагают весной на будущий год создать и возглавить диппредставительство в Италии, в городе Неаполе. Ты, поедешь со мной в Италию, возможно надолго?

Таня чуть не упала со стула, она понимала, что Коля не шутит.

- С тобой я поеду даже в Антарктиду, лишь бы быть вместе!

Они засмеялись и бросились целоваться. Коля прошептал на ухо любимой.

- Танюша, давай никогда не расставаться.

- Давай, любимый мой дипломат!

- В Неаполе будет открываться консульское представительство, так что можешь называть меня просто консулом, - громко захохотал Коля и снова поцеловал Таню. - В понедельник срочно подаем заявление в загс. Все прохожие Москвы подсказывают, где он находится.

- Я с вами согласна, господин будущий консул.

- Танюша, начинается новая, надеюсь, счастливая жизнь. У нас с тобой много общего. Мы столько горя перенесли за годы войны, наши родители погибли. Мы должны жить за себя и за них, ведь они были далеко не старые люди. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы ты была самая счастливая на свете!

- Коля, мне никто никогда не говорил таких слов, я полюбила тебя сразу и навсегда!

- Я люблю тебя больше жизни! - только и мог промолвить Коля.

В понедельник рано утром Коля протрубил.

- Танюша, подъем! Завтрак готов, моя прекрасная леди. Ты не забыла, сегодня идем подавать заявление в загс?

- Конечно, я помню, но у меня к тебе есть серьезный разговор.

- Слушаю тебя, моя таинственная невеста.

– Коля, пожалуйста, послушай меня и не перебивай. Зимой в 1942 году в блокаду Ленинграда был страшный голод. В январе я весила 40 килограммов, ходила по квартире, держась за стенки. В таком, полуживом, состоянии меня по Ладоге переправили на «большую землю». Потом эвакуировали в Челябинск. Когда узнала, что родители умерли, снова слегла, просто не хотела больше жить. Тетя Нюра, у которой я жила, выходила меня. Она всегда твердила, будешь жить, всем смертям назло. Если ты умрешь, умру и я рядом с тобой. Теперь она для меня, как родная мать. К чему все это рассказываю. Я была недавно у гинеколога. После осмотра доктор сказала, мол, нет стопроцентной гарантии, что у тебя будут дети, надо подождать. Проклятая война, голод, стрессы – вот причины бесплодия. Организм временно может давать сбой. Если не захочешь жить со мной, я все пойму, и не обижусь. Я очень хочу иметь детей, но не хочу тебя делать несчастным.

Коля словно окаменел, на глазах были слезы. Отвернулся, украдкой вытер глаза.

– Танюша, дорогая, у нас обязательно будут дети, я в этом не сомневаюсь. Главное, что мы любим друг друга, и это навсегда! Собирайся поскорей, жених почти готов. Ты хочешь оставить свою фамилию, или стать Смирновой?

– Я всю жизнь мечтала стать Смирновой, – весело засмеялась Таня.

– Вот и порядок в танковых частях. Вперед, сегодня нас ждут великие дела!

Начались счастливые мирные будни. Коля целыми днями занимался на курсах. После учебы бежал к преподавателю итальянского языка. Допоздна засиживался в «ленинке» и штудировал историю Древнего Рима.

Как-то поздно вечером ввалился домой и с порога крикнул.

– Где моя жена, я сейчас умру от голода.

Таня вышла из кухни.

– Мыть руки и быстро за стол, студент прохладной жизни.

– Слушаюсь и повинуюсь, о, прекрасная из прекрасных.

- Не подлизывайся, пока тарелку борща не съешь, не будет тебе никаких фронтовых 100 грамм.

- Если нальешь 200 грамм, я съем весь борщ в кастрюле.

- Первый раз вижу пьяницу-дипломата.

- Ты думаешь, в наркомате работают только трезвенники?

- Коля, хватит трепаться, ешь. Сегодня опять звонили из оранжереи, просят помочь, скоро праздник.

- Таня, конечно, поезжай, не будешь же ты до весны дома сидеть. Ведь дипломированных цветоводов-дизайнеров в Москве днем с огнем не найти.

- А кто же тебе варить будет? Кухарки у нас нет.

- За меня не беспокойся, в наркомате есть столовая.

- Ой, Коля, я так рада, давно девчонок своих не видела. Завтра пораньше соберусь и на электричку. Ты у меня самый лучший муж, – поцеловала она любимого.

- Знаю, что я лучший муж, вот за это налей еще 100 грамм.

- Льстец, шантажист и воображало.

- Орденоносец, дипломат и надежный мужчина, – засмеялся Коля. – Танюша, на воскресенье ничего не планируй, поедем в Подмоскowie. Зачем, это секрет. Форма одежды – парадная. И прихвати из своей оранжереи букет цветов для женщины «бальзаковского возраста». Не смотри на меня так, на месте все поймешь. Ты для меня самая красивая, самая умная и самая желанная! Таня, ты мамино осеннее пальто перешила под себя?

- Перешила, но мне, как-то неудобно.

– Я тебе сто раз говорил, пользуйся маминым гардеробом и никаких сантиментов. Ты пойми, что мне приятно видеть эти вещи на тебе, в этом нет ничего зазорного. Мама смотрит сейчас на нас сверху и одобряет мои слова.

– Уговорил, в воскресенье надену мамино пальто и шапочку.

– Вот это совсем другой разговор, пошли спать, любимая.

– Рота, подъем, на зарядку становись! – рано утром громко крикнула Таня и включила на всю громкость радио.

– Кто поднялся ни свет, ни заря?

– Ты что не узнал меня, это я, жена твоя, – звонко сказала в рифму Таня и рассмеялась. – Муженек, завтрак на столе, я побежала на трамвай, буду поздно вечером. Надеюсь, ужин приготовишь сам, хорошего тебе дня синьор-помидор.

Лежал Коля и думал, как повезло ему с женой. Красивая и умная, а главное любит его, так же, как и он. Даже страшно подумать, что было бы, не встретить он Танюшку. Глянул на часы и запел: «Пора в путь дорогу, дорогу дальнюю, трам, та, та, там!»

Таня ехала на работу и думала о разговоре с мужем. Что за встреча состоится в воскресенье, кто эта женщина? Вчера засыпая, Коля пробормотал, что Мария Николаевна поможет сделать нас счастливыми. Как и почему, незнакомый человек чем-то поможет нам, загадка? Доживем до воскресенья. Ну и Коля, загадочный и таинственный муж!

Таня вышла из электрички и направилась в оранжерею. В кабинете в клубах папиросного дыма сидел директор этого заведения Иван Семенович Кушнир. Старейший цветовод, селекционер и добрейшей души человек – дядя Ваня. Увидев Таню, подпрыгнул со стула, торжественно заявил.

– Вот моя спасительница, моя надежда и моя умница! Не забыла, не бросила старика на растерзание цветочным вампирам, – кинулся он к Танюше целоваться.

- Дядя Ваня, что за бардак, дым коромыслом, хоть топор вешай и открывай форточку. Рассказывай, только коротко, обстановку за время моего отсутствия.

- Докладываю, дорогой мой заместитель, - завал.

- Я так и знала, вперед на баррикады! Впереди «октябрьские» праздники, надо выполнить сотни заявок.

Вечером в конце рабочего дня сели пить чай.

- Таня, ты знаешь, сколько мне лет?

- Конечно, день рождения у вас летом.

- Не буду ходить вокруг да около. Я хочу в Сельхозакадемии предложить твою кандидатуру на мое место. Как говорится, молодым везде у нас дорога, старикам у нас почет.

- Спасибо, Иван Семенович, за хорошее предложение, не могу.

- Что, тебе предложили место ректора в академии? - засмеялся Иван Семенович вместе с Таней.

- Пока нет, но будем надеяться.

- Значит, молодой ревнивый муж не пускает красавицу-жену на работу?

- Вы не правы, дядя Ваня, просто весной мы должны уехать. Так что, до «майских праздников» я вся ваша.

- И то дело, - пробормотал старый цветовод.

- Куда ты собралась, в Москве работы для тебя непочатый край.

- Туда, за мужем, как нитка за иголкой, - засмеялась Таня.

- Видно, хороший у тебя мужик, если ты за ним и в огонь и в воду?
- Согласна с вами, товарищ начальник. Поехала домой, уже поздно, муж будет ругаться.
- Езжай уже, не забудь букет и передай своему суженому, что ему сильно повезло.
- И мне тоже. Это любовь с первого взгляда!
- Скорей беги на электричку, а то майор за опоздание на гауптвахту посадит.

В вагоне Таня смотрела в окно и вспоминала, как подавали заявление в загс. Коля по дороге рассказывал о каких-то изменениях в правилах загса. Она ничего не могла понять. Они расписались в толстой книге, их торжественно объявили мужем и женой. Коля быстро одел ей на палец колечко, а она ему. Поцеловались и через пять минут были уже на улице. Таня с удивлением спросила.

- Что это было? Эта тетя всё перепутала. Должна была принять заявление, а взяла и расписала.
- Танюша, ты же не против?
- Ты не разведчик, ты шпион и шантажист, я тебя поколочу.
- Не вели казнить, вели миловать, - Коля встал на колени и поднял к небу руки.

Прохожие шли, с интересом оборачивались, глядя на эту сцену.

- Встань с колен не позорься, перед людьми стыдно.
- Не встану, пока ты не помилуешь своего непутевого мужа.

Стали собираться зеваки. Видно, артисты репетируют спектакль прямо на улице.

– Всё, милую, только скорей отсюда, – взялись они за руки и побежали к остановке.

Зашли домой, в зале накрыт был стол, горели свечи.

– Дорогая Танюша, давай навсегда запомним этот день – день нашего бракосочетания! Горько! Горько! Горько!

Таня очнулась, электричка подъезжала к платформе. Завтра воскресенье, что же за сюрприз приготовил хитрый дипломат?

– Что день грядущий нам готовит? – продекламировала Таня, выходя из вагона.

Зашла домой, из кухни доносились аппетитные запахи.

– Это я пришла, и цветы вам принесла.

Коля вышел в фартуке с поварешкой в руке.

– О, прекрасная и голодная синьора, прошу отведать мою скромную трапезу.

– С большим удовольствием, самый лучший шеф-повар нашего дома.

– Могу предложить следующее меню: на первое – суп с клецками, на второе – селедка с жареной картошкой, холодные блюда – мороженое сало, соленые огурцы, маринованные помидоры.

– Послушайте, шеф, а что на десерт?

– Одну секунду, – Коля вытер о фартук руки, подошел и крепко поцеловал жену.

– О таком ужине я мечтала всю жизнь! Неси, шеф, ради такого случая свой запотевший графинчик!

– Слушаю, моя повелительница, моя богиня! Гуляем!

Весь вечер Коля, как мог, развлекал жену. Плясал, горланил песни. Танцевали аргентинское танго и хохотали до упаду. Таня смотрела на мужа и поражалась. Прошел всю войну, потерял родителей, друзей, видел тысячи смертей. Но не сломался, не ожесточился, не ушел в себя. Она обожала своего мужа, благодарила судьбу за то, что они встретили друг друга.

- Коля, хочешь еще графинчик?

- Конечно, суженая.

- Но с условием, что ты расскажешь, куда мы завтра едем?

- Если ты предложишь ведро водки или меня будут пытаться инквизиторы, я все равно ничего не скажу, - с улыбкой ответил Коля. - Дорогая, запомни на всю жизнь, если я сказал или пообещал что-то, разобьюсь в лепешку, но сдержу свое слово. Вот такой у меня характер, принимай какой есть и не обижайся на старого солдафона.

- Ладно, солдафон, пошли спать, утро вечера мудренее.

Рано утром Коля выпрыгнул из кровати и заревел.

- Подъем, на зарядку становись! - и включил радио на всю громкость.

Из динамика рвануло «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...»

Таня укрылась с головой под одеялом.

- Товарищ командир, можно еще немного поспать?

- Нет, ни в коем случае, получите два наряда вне очереди, - Коля подскочил к жене и смачно поцеловал два раза в губы.

- Хочу еще два наряда вне очереди, - прошептала Таня и поцеловала любимого.

- С началом такого прекрасного утра. Мы можем опоздать на электричку, нас очень ждут и надеются, подъем!

Таня вскочила с кровати, напевая: «Москва моя, страна моя, ты самая любимая!». Коля тем временем достал парадный мундир и тщательно стал рассматривать свои награды.

- Все решил, не хочу быть похож на новогоднюю елку, - пробормотал он и стал снимать с кителя медали.

Подошел к зеркалу, глянув на себя, остался доволен, это совсем другое дело. На него смотрел бравый офицер со знаком «Гвардия» и четырьмя боевыми орденами на груди. Таня выскочила из ванной и ахнула, глядя на мужа.

- Я поняла, мы идем на прием в наркомат или в Кремль, угадала?

- Почти что.

Они шли по осенней Москве. Коля с удовольствием декламировал Пушкина - «Унылая пора! Очей очарованье! Приятна мне твоя прощальная краса». Таня продолжила: «И пышное природы увяданье, в багрец и в золото одетые леса».

- За стихотворение вам пять, - объявил Коля и поцеловал жену.

- Товарищ майор, можно еще прочитать стих, больно оценка хороша?

- Нет, вон наш трамвай, бежим. Подъехали к вокзалу и побежали к электричке, едва успели в последний вагон. Народу было битком, молодая парочка освободила им места. Коля покраснел.

- Да что вы, ребята, сидите. Мы же, слава богу, не инвалиды, да и не пожилые еще.

- Вы нас от фашистов спасли, садитесь, героям почет и уважение!

Они сели на сиденье, оконфуженные и красные от стыда, как раки. Где-то в конце вагона играли на гармошке и пели «Казачьи казаки, едут, едут

по Берлину наши казаки!» И так сразу им стало спокойно среди этих своих простых русских людей. Гармонист все играл и играл. Коля, как будто загипнотизированный слушал, а сам был далеко-далеко...

Вспомнил, как его правая рука – Миша Масалов так наяривал на гармошке, что казалось, мошкara бросится в пляс. Левая его рука – Егор Кукушкин так плясал, что в сельском клубе стены ходуном ходили. Местные девчата были без ума от этих артистов-разведчиков. Вечером после танцев девчата пригласили их погулять. Миша хмыкнул.

– Да я уже двоих нагулял.

– А я, одного, обращайтесь к командиру, – захохотал Егор.

– Извините, девчата, в следующий раз, пора нам уже, – Коля мотнул головой в сторону линии фронта.

Шли на базу, а Егор рассуждал.

– Не кажется тебе, Михаил, что наш командир хочет спрятаться за линией фронта от этой черноглазой Маруси? Она – девка боевая, и на той стороне найдет командира и притащит его домой на горбу.

Втроем во весь голос загоготали, как табун жеребцов.

– Отставить болтовню, через полчаса выходим в гости, – приказал Коля, вытирая от смеха слезы.

Не было в дивизионной разведке крепче дружбы этой троицы, совсем разных людей. Как же судьба жестоко разлучила их летом 1944 в Прибалтике...

Командир дивизии распекал начальника разведки.

– Федор Иванович, ты мне обещал полные сведения о перегруппировке противника?

– Погода, товарищ генерал, ни к черту, льет и льет.

– Ты что летчик, что тебе погода мешает? – вспыхнул генерал. – Посылай, хоть всех своих разведчиков, а сведения о противнике, чтобы завтра утром были у меня на столе.

Федор Иванович крикнул посыльному.

– Срочно ко мне капитана Смирнова.

– Товарищ подполковник, капитан Смирнов по вашему приказанию прибыл.

– Проходи дипломат – срочное дело. Группа у тебя полностью укомплектована?

– Так точно, десять бойцов. Сами знаете, из стариков только трое осталось.

– Знаю, Коля, сколько и каких ребят ты потерял, война. Позарез нужны к утру сведения о дислокации немцев, что-то они затевают. Завтра к нам командующий прибывает, значит, дело серьезное. Мы должны полностью владеть информацией на передовой. Задача – любой ценой взять ценного «языка» из немецкого штаба, на худой конец, пехотного офицера. Задача ясна?

– Так точно, разрешите идти?

– Иди, постарайся без потерь, ведь скоро конец войны.

Коля собрал свою группу, объяснил задачу. Выступаем в 19.00, идем налегке, сухой паек на сутки.

– Товарищ капитан, здесь старшина спрашивает, можно ли с собой зонтик взять, а то за шиворот натечет? – разведчики грохнули.

– Миша, не сахарный, не растаешь, в крайнем случае, лопухом укроешься. Разойдись. Старшина Масалов и сержант Кукушкин – ко мне. Егор, проверь всю группу, двойной боезапас гранат и патронов. Аккумуляторы с рацией, минимум провианта, а то раздобрили на армейских харчах.

– Миша, присмотри за Зауром, уж больно горяч парень. Готов немцев зубами рвать, мы такие же были в начале войны. Нам лишний шум ни к чему, взяли «языка» и домой.

– Командир, есть предложение, подобраться к немцам не всей группой, а только половиной. Остальные пусть прикрывают наш отход.

– Дельная мысль, идем впятером, на стреме будут вот здесь остальные, – ткнул пальцем в карту.

– Кто пятый?

– Заур. Всё, вечером выступаем.

Сидел Коля и думал, как выручить своего молодого разведчика. Приехал «особист» из штаба армии, собирает списки чеченцев, ингушей, других кавказцев. Идут разговоры, что их убирают с передовой и отправляют в тыл. Предложил командиру роты по тихому в документах изменить национальность. Шкурой чувствовал, выручать надо парня и срочно. Вечером выдвинулись на позицию.

– Не курить, не шуметь, идти за мной след в след, – тихо промолвил командир.

Через час были на месте.

– Заур, остаешься за старшего, быть всем наготове.

– Товарищ капитан, разрешите я с вами, как раз пять на пять.

– А шо, товарищ капитан, Заур балластом нам не будет, – пробормотал старшина. – Он парень здоровый, пусть «языка» на обратном пути на себе тащит, чтобы тот не устал.

Все тихо засмеялись, а Егор добавил:

– Повезешь его на себе, вместо ослика.

Разведчики захрюкали от смеха.

- Отставить разговоры, слушай мою команду. Мы впятером идем за языком, вы нас прикрываете. Если пошлем одну ракету – передаете артиллерии, чтобы били по 35 квадрату, если две – идите на помощь. Сержант Гришин, задача ясна, есть вопросы?

- Вопросов нет, товарищ командир, всё ясно.

- Если что, осторожней через минное поле, карта у тебя. За мной Заур, Егор – замыкающий, вперед – с богом.

Подползли к окопам и замерли, в их сторону шел часовой. Коля показал пальцем – тихо, ни звука. Немец посветил фонарем, что-то сказал другому часовому.

- Попутали нас с лисами, – прошептал командир.

Часовые закурили и стали беседовать. Коля перевел их разговор.

- Через полчаса смена караула. В штабной землянке пьют шнапс два офицера, один из них – командир роты. Дождемся смены караула и возьмем их тёпленькими. Миша и Егор тихонько снимите часовых, мы с Зауром за языками. Ваня, если что, прикроешь огнем. Надо постараться без шума и без гама утащить этих красавцев к нам.

- Я бы их голыми руками придушил, – тихо прошептал Заур.

- Отставить, они нам нужны живые и здоровые. Всем приготовиться и слушать мою команду, ясно?

- Так точно, товарищи командир. Одно плохо, сейчас снег выпадет. Немцы по нашим следам пойдут.

- Не каркай, Мишка, может, пронесет.

– Не дай бог, если тебя пронесет, немцы сразу учуют твою вонь и поймут, что ты здесь.

– Егор, прекрати, иначе мы от смеха все облажаемся, – прохрипел Иван.

Послышался топот и скрип сапог, подходил немецкий караул. Офицер вышел из блиндажа и громко предупредил старшего, чтобы не опаздывал утром на смену. Развод ушел, часовые закурили и разошлись в разные стороны.

Коля прошептал разведчикам: «Вперед и с песней». Миша с Егором спустились в окоп и рванули к часовым.

– Заур, за мной, оружие к бою.

Подняли полог, и зашли в блиндаж. Один из офицеров спал, второй наливал в стакан шнапс. Коля улыбнулся и спросил по-немецки:

– Вам третьего не нужно?

Немец глянул на разведчиков и оторопел.

– Если хотите жить, на сборы вам две минуты, в противном случае – смерть.

Заур поднял автомат, немец залепетал, что у него семья и дети.

– Поднимай своего друга, у вас осталась минута.

Зашёл Миша.

– Командир, часовых сняли, пока все тихо.

– Забирай документы и оружие быстрее, сейчас уходим.

Один из офицеров со стола схватил пистолет. Заур одним движением воткнул ему финку в горло. Немец захрипел, обливаясь кровью, и упал на землю.

– Молодец, но второго фрица мы должны любой ценой живым доставить, больно ценный гусь.

Выскочили из окопа и рванули к лесу. Вдруг поднялась осветительная ракета, и всё стало видно, как днем.

– Засекли нас фашисты, по-пластунски быстрее к лесу. Егор, шмальни разок из ракетницы. Пусть наша артиллерия по квадрату поработает. Скорее к лесу, чтобы под свой огонь не попасть.

Кругом свистели пули, нельзя было поднять головы. Как только гасли ракеты, разведчики короткими перебежками приближались к спасательному лесу. Коля крикнул Зауру: «Джигит, фашист твой живой?»

– Живее всех живых, командир.

– Добро, береги его как зеницу ока, – засмеялся капитан.

Заработала наша артиллерия.

– Молодцы пушкари, выручили разведку, ребята за мной.

Через пять минут группа была уже в лесу. Полчаса бежали по тропинке, все дальше и дальше удаляясь от немецких позиций.

– Привал, перекур десять минут без курения и без дыма, возможна погоня. Иван, уже светает, глянь все вокруг.

– Командир, как это перекур без курения? А придем на базу, ты скомандуешь – всем на обед без обеда. Как так можно воевать? – ухмыльнулся старшина.

Егор тут же подхватил.

– У тебя всю войну три желания.

– Какие такие желания?

– Спать, жрать и курить козью ножку.

Все засмеялись, Миша только рукой махнул – балабол.

– Товарищ командир, фашиста озноб бьёт, не сдох бы.

– Так я ему сказал, если задумаешь сбежать, этот горец тебе башку отрежет.

Разведчики захохотали. Егор предложил Зауру пощупать кальсоны у немца, не обмочился ли он. Иван уже не мог это слушать, ладошкой зажал себе рот.

– Кажется, сейчас я обмочусь.

– Тихо, замерли все, слышите? Похоже, недалеко техника подходит к бою.

Послышался лай собак и команда немецкого офицера.

– Картина Репина «Приплыли», – подумал командир. – Заур, залезь на эту сосну, глянь, сколько немчуры по нашему следу идут.

– Командир, вижу группу пятнадцать фашистов, до нас метров сто.

– Иван, запускай сигнальную ракету нашим, пусть на подмогу идут. Егор с Зауром влево, Миша с Иваном справа метров за 30—40 от меня. Огонь открывать по моей команде после взрыва гранаты. Вопросы есть? Вопросов нет. Выполнять приказ.

Коля подошел к пленному офицеру.

– Быстро снимай шинель, сиди тихо, как мышь, тогда будешь жив.

Коля надел шинель, взял портфель и пошел навстречу немцам. Егор прошептал Зауру: «Видно, командир готовит гитлеровцам сюрприз».

– Я здесь, идите ко мне, – закричал Коля немцам и помахал портфелем.

Группа фашистов рванула к Николаю, оставалось немного. Он расстегнул портфель, достал гранату и швырнул в немцев – «Огонь!». Разведчики ударили с флангов, немцы не ожидали такого огня, через несколько минут все было кончено.

– Все ко мне, живы, ранения есть?

– Никаких ранений, только у старшины живот свело от голода, – произнес Егор.

Разведчики глянули на измазанное, счастливое лицо сержанта и стали хохотать. Старшина упал на землю от смеха.

– Перед тем, как рапортовать, лучше бы морду умыл.

Смерть прошла совсем рядом с этими молодыми ребятами, и они были счастливы, ведь так хотелось жить.

– Заур и Иван, сходите до немецкой машины, посмотрите, что там ценного и назад. Старшина, собери документы убитых фашистов. Егор, смотри за пленным и его портфелем, мы должны их доставить любой ценой. Скоро должна подойти наша группа прикрытия. Через двадцать минут всем быть на месте. Сержант, сгоноши пожевать что-нибудь. Я пока с пленным по душам побалакаю.

Сержант наблюдал за командиром, тот вёл разговор с немцем, потом отдал ему свою плащ-палатку.

– Товарищ командир, вы, что хотите до Берлина дойти в немецкой шинели?

– А тебе не нравится? Что я капитан, что он.

– Лишь бы наши тебя в плен не взяли, – засмеялся Егор.

– Готовь перекусить, а то ребята голодные, тебя с потрохами сожрут. Вот и весь честной народ собирается.

– Командир, на такую ораву три банки тушенки и булка хлеба.

– Смотри, Заур с Иваном что-то тащат в вещмешке. Разведчики подошли и доложили.

– Товарищ командир, сняли с машины пулемет, да харчами немного разжились. Молодой джигит смонтировал растяжку с гранатой под машиной.

– Молодцы, ребята, дайте глянуть мешок.

Заур покраснел, Иван промямлил, что не все видел в мешке.

– Я так и знал, что кроме провианта еще и горючее есть, – достал фляжку со шнапсом. – Выпьем, когда вернемся на базу, есть возражения?

Разведчики, мотнули головами.

– Двадцать минут на прием пищи и в путь.

Молча ели, каждый думал о своем. Егор мечтал, что после войны построит большой дом. Чтобы не было дочке скучно нужно братика ей, обязательно с женой родим. Миша вспоминал своих сыновей-погодков. Надо их к технике, к механизмам приучать, чтобы шли по его линии. Подрастут, пусть едут учиться в Минск на механизаторов. Заур гадал, о чем хочет поговорить с ним командир, с глазу на глаз.

Сверху пролетела кукушка и села на сосну, стала с интересом рассматривать их. Иван произнес: «Смотри Кукушкин, однофамилица к тебе в гости прилетела. Ты бы спросил, сколько нам жить на белом свете осталось?».

Все засмеялись и смотрели на Егора. Он степенно встал и крикнул: «Скажи правду, не соври родственнику».

Птица посмотрела на Егора и неожиданно принялась куковать. Разведчики зачарованно смотрели на кукушку и все считали, считали, пока птица не улетела.

– Кукушкины врать не любят – лет двадцать, а то и поболее ещё поживём.
Спасибо, милая родственница, за хорошую весть.

– Закончить прием пищи, приготовиться к марш-броску. Группа прикрытия – трое впереди, двое сзади. Заур, в середину колонны, головой отвечаешь за немца и документы. Если встретимся с немцами, стараться в длительный бой не втягиваться. Миша, забери пулемет у Заура, он должен быть налегке. Егор, в случае нашего обнаружения, прикрываешь середину, понял? Вперед за мной, всем быть начеку. С богом.

Разведчики по тропинке рванули за командиром – след в след. Они все дальше уходили в лес. Через полчаса капитан жестом показал – тихо, привал.
Прошептал:

– Слышите, техника подходит, немцы перекрывают нам отход. Приготовиться к бою. Миша, пулеметы поставь на фланги. Мы с Егором глянем, что нам фашисты приготовили, ждите.

Минут через пятнадцать они вернулись.

– Иван, срочно передай нашим, чтобы накрыли квадрат. Мы под этот шумок попробуем проскочить между болотом и минным полем.

Через пять минут заработала артиллерия.

– Вперед ребята, смелость города берет!

Группа под гул канонады проскочила березняк – впереди большое поле. Командир махнул рукой – всем залечь. Внимательно стал рассматривать в бинокль лес за полем.

– Старшина, глянь вон туда, правой горелой березы.

Миша посмотрел в бинокль.

– Вижу самоходку и машину с тентом, а значит фрицев 25—30 не больше. Успели всё же, сволочи, перекрыть нам отход.

Капитан посмотрел на Егора.

– Командир, мысль есть, как немцев обойти. Вы с Зауром берете языка под белы ручки и аккуратно вдоль болота к своим. Мы разводим костер и начинаем обедать.

Молодые разведчики удивленно смотрели на сержанта, не рехнулся ли он? Старшина, глядя в бинокль, сказал.

– Вот на вид дудак дудаком, а иногда правильные вещи гуторит.

Егор засмеялся – Давай, трави дальше молодой – дурной, а ты старый и умный. Старшина навел бинокль на друга.

– Дослужишься до моего звания, тоже умным станешь.

– Отставить разговоры, слушай мою команду. Старшина, берешь трех ребят, приготовься к бою. Разожги костер и посуетись, чтобы немцы вас заметили. Вступите в бой, стянете немцев на себя. Потом начинаете отступать в сторону минного поля, вот сюда, – и показал на карте. – Егор, ты с ребятами вот здесь ждешь Мишу с группой. Думаю, с пушки они палить не будут, чтобы своего не замочить. Продержаться надо пару часов. Мы с Зауром за это время должны языка в штаб доставить, и вернуться с подмогой. Как мужики реальный план, может мне с вами остаться?

– Нет, командир, иди с Зауром, чтобы с гарантией языка доставить. Тем более, кукушка нам напорочила многие лета.

– Товарищ капитан, ты смотри молодого джигита не потеряй. Он же стайер, бегаёт как олень. Все засмеялись, с богом, командир!

Бежал Коля по тропе, а сам был там, с ребятами. Сзади раздались сухие выстрелы, начался бой.

– Заур, прибавим шагу, немного осталось.

В голове стучало: языка передать в штаб и на выручку к разведчикам. Вдруг сзади услышал крик:

- Командир, немцы слева.

Коля сделал кувырок и, не глядя, швырнул гранату. Стреляя из автомата, подумал, что напоролись все же на немецкий секрет. Все стихло, немецкий офицер дрожал от страха. Хочешь жить, молчи, сделал ему знак, и пополз узнать обстановку. Недалеко услышал свист. Живой джигит, молодец! Четверо немцев были убиты наповал, рядом сидел Заур.

- Простите меня, командир, я очень вас подвел.

- Что такое, в чем дело, горец?

- Ранен я в ногу.

- Разрежь штанину, сейчас перевяжу. Похоже, кость задета, надо ногу забинтовать. До наших позиций совсем рядом, гранаты и автомат оставляю тебе. Ты с таким арсеналом можешь роту немцев положить. Держи свой фланг, не дай фашистам с тыла ребят обойти. Я, одна нога здесь - другая там, - и помчался, подгоняя немца в сторону фронтовой полосы...

- Милый, просыпайся, уже подъезжаем. Коля, опять война снилась?

- Отец рассказывал, после первой мировой многим солдатам еще по десять лет война снилась, - мотнул он головой. - Давай, Танюша, на выход - остановка всего две минуты.

Они вышли из вагона, и пошли по перрону. Сидящие торговки открыли от удивления рты.

- И к кому же вы приехали в наше захолустье?

- Это военная тайна, о нас никому ни слова, - невозмутимо произнес Николай.

Когда отошли от бабок, Таня сказала:

- Скоро вся деревня узнает, что у них появились шпионы.

Захохотали, а Коля добавил:

- Ты, девушка, будешь резидентом всей нашей сети.

- Майор, хватит шутить, далеко нам еще?

- Госпожа резидент, мы почти пришли, вон видишь старинная усадьба.

Они подошли к большому двухэтажному дому, на нем висела табличка «Детский дом».

- Вот так сюрприз, - побледнела и шепотом сказала Таня. - Я разоделась как новогодняя елка. Меня сейчас кондрашка хватит, неужели заранее трудно было сказать.

- Таня успокойся, вот нас уже вышли встречать.

На крыльце стояла красивая, статная женщина «бальзаковского возраста».

- Здравствуйте, Николай Иванович, а мы вас с утра ждем.

- Это вам Нина Николаевна, - и подал букет цветов.

Лицо женщины покраснело и стало одним цветом с букетом роз.

- Коля, ну зачем вы, такой букет стоит больших денег. Последний раз мне дарил цветы муж еще до войны. Погиб мой родной комдив в конце войны, в бою за освобождение Варшавы.

- Познакомьтесь, моя жена Татьяна, профессиональный цветовод-флорист.

- Очень приятно, прошу в наши апартаменты.

Они глянули на дом – из всех окон на них смотрели дети. Зашли в кабинет. Коля помог жене снять пальто. Сняв шинель, произнес:

– Мы готовы, товарищ командир!

Нина Николаевна глянула на парадный мундир с орденами и ахнула, сейчас все ребята с ума сойдут. Зашли в зал, на табуретках сидели три мальчика. Ребята были одеты одинаково: серые штаны, вельветовые курточки, обуты в черные ботинки.

– Давайте знакомиться, майор Николай Смирнов, служил в военной разведке.

Первым подал руку рыжеволосый мальчик с вихром и тихо пробормотал: – ББ.

– Наверное, Боря Бессонов?

– Нет, бешеный бес, – и залился громким смехом.

Нина Николаевна покраснела и прикрикнула:

– Бессонов, будешь так себя вести, никто тебя из детдома в семью не заберет.

– Да я и сам ни к кому не пойду, в гробу я всех видал.

– Боря, в изолятор хочешь?

– Нина Николаевна, не пугай пуганых. – Она укоризненно покачала головой: «Ой, что же с тобой дальше будет». Коля протянул руку другому мальчику, тот спокойно сказал:

– Самойлов Витя, мне семь лет, из Смоленска.

Боря тут же вставил – «Витька—титька».

Нина Николаевна показала ему кулак.

– Молчу, молчу, как партизан на допросе.

Протянул руку черноволосому мальчику с большими карими глазами.

– Юра Шептала из Запорожья.

– Юрко-дурко, – проблеял Боря козлиным голосом.

Юра неожиданно сказал:

– Товарищ майор, не забирайте меня, пожалуйста, из детдома. Мамка приедет за мной, а меня нет. Она когда в поезд сажала, сказала: «Я тебя обязательно найду, жди меня. Только поезд тронулся, и началась бомбежка. Мама у меня такая же красивая, как ваша жена».

Коля подарил каждому по банке леденцов-монпансье.

– Майор, а ты при оружии? – спросил Боря.

– А как должен быть при параде боевой офицер? Показываю наградной пистолет с одним условием, что ты, Боря, будешь себя хорошо вести.

Коля достал из кобуры наградной парабеллум. Ребята открыли рты.

– Вот это вещь, первый раз вижу такую красоту. А что за гравировка на пистолете?

– Капитану Смирнову за отвагу в Литве.

Таня сидела, молча, как замороженная, а на глаза наворачивались слезы. Коля посмотрел на нее и шутливо помахал пальцем, держись мол.

– До свидания, мужики, мы с вами еще обязательно встретимся, слово офицера.

Коля крепко пожал каждому руку. Они прошли в кабинет к Нине Николаевне.

– Ребята, хотите чаю?

– Очень хотим, да Коля?

– С большим удовольствием, Нина Николаевна!

Таня достала кулек с карамелью и пачку галет.

– Да мы сейчас у вас загуляем, наливайте, – засмеялся Николай.

Пили чай, а Нина Николаевна рассказывала о каждом мальчике.

– Юру эвакуировали с Украины на восток еще летом 1941-го. Родители погибли, родственников никого не осталось. В детдоме у нас он второй год, очень хороший мальчик. Витю нашли в подвале своего разрушенного дома красноармейцы. Ему не было и двух лет, как выжил, это просто чудо. Спокойный, уравновешенный, хорошо рисует и любит лепить из глины всякие фигурки. А вот Боря Бессонов, это моя боль. Родился в лагере под Воркутой, мать отбывала срок. Отца у него не было, после смерти матери переезжает из одного детдома в другой. Ему всего-то семь лет, а он уже курит, наколку-татуировку сделал на руке. Неделю назад сбежал, принесли из поселка женщины. Врач проверил его, пояснил – пьяный вдрызг. Это, конечно трагедия, война никого не пощадила. Вы подумайте прежде, чем принимать решение – это же на всю жизнь ответственность. Кто-то из ребят вам понравился?

Коля молчал, а Таня тихо сказала:

– Завтра мы дадим вам ответ.

Ехали в Москву и всё время молчали. Вышли на перрон, Коля взял жену за плечи.

– Танюша, давай решать, кого заберем?

– Зачем ты спрашиваешь, конечно, Юру, он так на тебя похож.

– А мне кажется, на тебя – такой же чуткий, рассудительный и серьезный.

Они расцеловались. Коля схватил любимую и стал крутить вокруг себя.

- В нашем полку прибыло, ура!

Рядом проходящий мужчина с чемоданом, буркнул:

- У вас, что нет другого места кроме перрона, где можно целоваться и миловаться?

- Есть у нас дядька такие места, есть у нас сын Юра.

- Ура! - крикнул он.

- Сумасшедший дипломат, ты что спятил, нас милиция заберет.

- Скорей домой, устроим праздник по поводу увеличения семьи.

Утром Коля позвонил в детдом.

- Нина Николаевна, мы забираем Юру, оформляйте документы.

- Я так рада за вас и за Юру, у вас будет настоящая, крепкая семья. Приезжайте через неделю, подготовлю документы на усыновление. Не переживайте, он очень хочет, чтобы вы его забрали, просто стесняется сказать об этом.

Прошел месяц, Юра потихоньку обживался в семье. Познакомился с ребятами во дворе, где целыми днями гоняли мяч. Таня вечерами брала букварь и занималась с Юрой.

- Тебе на следующий год в школу идти, должен к сентябрю научиться читать и писать.

- Тетя Таня, а можно вас называть мамой, а дядю Колю папой. Вы же меня в детдом не вернете обратно?

Коля взял малыша на руки.

- Ты наш родной сын, запомни это на всю жизнь.

Таня подскочила к ним и обняла своих любимых мужчин.

- Я запомнил, не маленький, вы мои родители и мы не расстанемся никогда в жизни.

- Раз так, завтра идем на футбол всей семьей, играют «Спартак» - «Динамо».

- Ура, ура, ура! - кричали три счастливых человека.

После похода на стадион Юра был ошарашен.

- Вот это футбол, вот это игроки. Папа, еще придем, ведь скоро конец чемпионата?

- Придем, сын, обязательно - мужик сказал, мужик сделал.

- Эй вы, деловые мужики, бежим на трамвай, - крикнула Таня.

Коля схватил под мышки сына, и они побежали к остановке. Юра покраснел и шепнул отцу на ухо:

- Пап, отпусти меня с рук, а то люди подумают, что я еще маленький.

- Извини, с перепугу тебя схватил, думал, опоздаем, - и с улыбкой поцеловал сына.

- Что вы там все милуетесь, да целуетесь?

- Не лезь, женщина, в мужские дела, да Юра?

Тот смущенно кивнул головой.

- Папа, а почему ты за «Спартак» болеешь?

- Потому что с детства мы с отцом так же ходили на футбол.
- Я тоже буду болеть за «Спартак», как ты. А мама, за какую команду болеет?
- Она болеет за две сразу. Одна - это мы с тобой, другая - розы с тюльпанами.

Таня улыбнулась и показала мужу кулак. Вышли из вагона, и пошли по набережной. Коля продекламировал: «Уж вечер, а Германа все нет».

- Знаю, господин консул, к чему эта ария. В переводе на простой язык, скорей домой, где ждет меня графинчик с огненной водой!

Все вместе громко засмеялись.

- Папа, я тоже понял, что это за огненная вода, ее вам на фронте по сто грамм выдавали.
- Ты посмотри Таня на нашего сына, весь в отца - такой же умный.
- Лишь бы не был такой же хвастливый и никогда бы не пил в жизни такую воду...

Наступила зима, пришли снега и холода. Целыми днями Юра играл во дворе в футбол с друзьями. Не загнать было его домой. По воскресеньям ходили на каток или выбирались за город на лыжах. Электричка была набита битком. Коля смотрел в окно, Таня и Юра дремали. В тамбуре курили мужики, и дым папирос медленно плыл по вагону...

Коля приказал «языку», чтобы бежал за ним. Если отклонится от тропинки, взорвется на mine. Они бежали, изредка Коля подавал команды. Светало, сзади слышалась беспорядочная стрельба, завязался бой.

- Я не могу больше, - крикнул немец.
- Или ты побежишь за мной, или я тебя пристрелю.

Пробежали небольшую лощину, раздался крик:

- Стой, кто идет?

- Не идет, а бежит.

- Это вы, товарищ капитан?

- Да, это мы, два капитана, русский и немецкий.

- Мы вас всю ночь ждем.

- Слушай сюда, Сидоренко. Берите немца и портфель с документами, и мухой в штаб. Дай карту, вот этот квадрат пусть артиллерия накроет. Скажи майору, чтобы аккуратней – вот здесь мои, а здесь немцы. Где подмога, сколько бойцов?

- Пятнадцать. В полной боевой готовности, товарищ капитан.

- Давай старшина всех срочно ко мне, время в обрез.

- Товарищ капитан, группа прикрытия в составе пятнадцати человек построена, старший сержант Мельников.

- Бойцы, вы поступаете в мое распоряжение. У нас нет ни минуты, на той стороне идет бой. Надо выручать разведчиков. Я иду первым, замыкающий старший сержант Мельников. Вопросы есть?

- Товарищ капитан, если будем живы, после боя возьмите нас в разведроту, мы не подведем.

- Ребята, давайте этот разговор отложим на завтра, добро? За мной след в след, всем быть наготове, с богом.

Прошли болото и минное поле. Тишина. Коля насторожился: западня или все погибли? Услышал позывной свист – Заур.

– За мной, тихо, рядом свои.

Подползли, под большой елью лежал с автоматом наизготовку Заур.

– Живой, джигит? Доложи боевую обстановку.

– Живой, командир, прикрывал свой фланг, пяток немцев еще положил. Минут сорок, как бой кончился – ни немцев, ни наших не видать.

– Так, дело ясное, что дело темное. Старшина оставь двоих бойцов. Пусть рану обработают, шину наложат и обезболивающее введут. Держись Заур, мы к ребятам на помощь.

Группа рванула дальше в лес. Вдруг раздался гул, артиллерия начала бить по квадрату.

– Давай, ребята, под шумок своих выручать.

Подошли к месту боя, увидели страшную картину. Кругом лежали десятки убитых немцев и, тут же наши разведчики. В руках ножи и саперные лопаты. Видно схлестнулись врукопашную.

– Проверьте, из наших кто жив, остался, – сказал капитан и сел на пенек.

В голове была одна мысль: «Зачем я их оставил, вся группа погибла. На фронте с Егором Кукушкиным и с Мишей Масаловым с осени 1941 вместе, как братья стали. Если жив, останусь, как после войны без них жить буду...».

– Товарищ капитан, сержант живой, без сознания.

Коля подскочил к другу, расстегнул ему гимнастерку, приложил ухо к сердцу.

– Живой, живой, братка? Нам с тобой ещё рано помирать, так и кукушка подтвердила. Срочно перевязать и обработать раны, подготовить носилки.

– Товарищ капитан, шестеро убитых, двое раненых, старшины нигде нет.

– Искать кругом по всему лесу. Сержант, четверых бойцов на эвакуацию раненых. У убитых немцев собрать документы и оружие. Я ухожу, надо срочно Егора и Заура до санбата донести, много крови потеряли. Остаешься за старшего, пришлю вам на помощь ребят с похоронной команды. Всех убитых до вечера доставить на нашу сторону. Найдите старшину, живым или мертвым...

– Коля, подъем, подъезжаем к вокзалу.

– Папа, ты тоже заснул?

– Ты любого укатаешь такими лыжными прогулками.

– А я совсем не устал, а ты мама?

– Я тоже не устала. Юра, ты не обращай внимания на папу. Он у нас старый, больной человек.

Они посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

– Выходим, берите старого больного человека под руки и несите его до дома.

– Пап, лучше ты нас донеси.

Коля посадил сына на плечи и запел: «Где это видано, где это слыхано, старый осёл молодого везёт».

Люди из вагона выходили и хохотали, видно лыжник хорошо принял на грудь. Они шли счастливые и уставшие, падал снег, скоро новый год.

– Коля, ты помнишь, что у сына скоро день рождения?

– Таня, я ему уже даже подарок приготовил.

– Папа, ну намекни, что за подарок?

– Никаких намеков, потерпи до субботы.

Подошли к дому, отряхнулись от снега.

– Рота в квартиру за мной! По ранжиру становись.

– Мужчины, переодевайтесь, обсохните, руки мыть и к столу.

Раздался телефонный звонок, Юра поднял трубку.

– Здравствуйте, Юра Смирнов у телефона.

– Здравствуй боец, Николая Ивановича можно услышать?

– Папа, тебя к телефону.

– Здравствуй, Коля, здравствуй дипломат, сейчас можно так тебя называть?

– Здравствуйте, Иван Иванович, очень рад вас слышать. Все хотел сам позвонить, да не решился.

– Коля, кончай эти дипломатические сантименты, если надо, звони в любое время. Получил из военного архива письмо, бери карандаш и записывай. Станция Покровская, это на границе между Смоленской областью и Белоруссией. В июле 1941 немцы разбомбили медицинский хирургический эшелон, которым командовал твой отец. Там недалеко от станции братская могила. О твоём пропавшем друге старшине Михаиле Масалове сведений нет. Вот такие дела, Коля, чем мог, тем помог.

– Иван Иванович, благодарю вас, должен буду по гроб жизни. Как будто с души камень упал, поеду к родителям на могилу. Когда увидимся Иван Иванович?

– Вот съездишь к родителям, потом позвони.

Таня подскочила.

– Что так побледнел, что случилось?

- Звонил полковник Ковалев, вот смотри, где похоронены мои родители.

Таня прочитала записку и обняла мужа.

- Вместе поедем?

- Нет, я поеду один.

Коля позвал сына.

- Юра, я уезжаю на два дня, ты остаешься за старшего. Маму слушаться и во всем помогать в мое отсутствие. Как меня понял, сын?

- Понял вас товарищ командир, а ко Дню рождения вернешься?

- Обязательно успею, буду, как штык, - засмеялся Коля.

- Командир, я весь день на работе, сам справишься или соседку попросить? - спросила Таня у сына.

- Мама, ты не забыла, что мне скоро семь, я уже взрослый.

- Все поняла, вопросов нет, о, мой взрослый ребенок, - и весело рассмеялись.

Утром Коля поднялся спозаранку, надо было успеть на вокзал к семи часам. Таня услышав, что муж уже встал, пошла на кухню приготовить завтрак. Молчали и пили чай с сушками. Таня не задавала никаких вопросов. Она видела, в каком состоянии был Коля. Только попросила.

- Надень военную форму, пожалуйста, пусть на тебя родители посмотрят.

- Таня, ты считаешь, что это обязательно?

Таня только утвердительно кивнула головой.

– Расскажи им, что у тебя есть жена и сын. Что ты будешь жить назло всем смертям за них еще сто лет.

Коля внимательно смотрел на нее.

– Таня, ты у меня самая лучшая жена в мире. Я не знаю, как бы я жил без тебя и Юрки.

– А я не знаю, как бы я жила без вас.

Коля схватил жену на руки и стал ее целовать.

– Всё, хватит, опоздаешь на поезд.

Коля зашел в вагон поезда « Москва – Минск ».

– Проходите, товарищ майор, через десять минут отправление, – встретила приветливая проводница с улыбкой.

Коля смотрел в окно вагона. На перроне была обычная толкотня. Люди бежали, обгоняя друг друга, ища свой вагон. Инвалиды сидели и просили милостыню, беспризорники сновали туда-сюда. Прошел наряд милиции, провожающие прощались с пассажирами, кто-то плакал, кто-то смеялся. Обычная вокзальная суета, все затихли, и вдруг грянуло «Прощание славянки». Поезд медленно тронулся, люди бежали по платформе, махая отъезжающим...

Всю дорогу Коля вспоминал родителей. Он всегда гордился ими, все время хотел быть похожим на отца. Спокойный, рассудительный человек, врач от бога, который никогда не повышал голос. Никогда и ни перед кем не прогибался и, тем более, не заискивал. Конечно, отец был огорчен, что сын не пошел по его стопам. Позже, когда Коля поступил в дипакадемию, сказал:

– Молодец, сын, надо всегда отстаивать свою правоту.

На душе было печально и грустно, бодрился, как мог. Наконец увижу родительскую могилу, все эти годы тяжело было сознавать, что они пропали без вести.

- Товарищ майор, не хотите чаю? – прошебетала юная проводница.

- С большим удовольствием, особенно из рук самой красивой проводницы всего поезда.

- Ну, вы и скажете, товарищ майор, – покраснела девушка. – Вы, наверное, к невесте или к жене едете?

- Не угадала, милая вагоновожатая, еду я к родителям.

- Ваша станция через четыре часа, остановка три минуты.

Коля вышел из вагона и пошел по перрону. Поезд тронулся, медленно набирая скорость. Проводница приветливо помахала вслед Коле. Навстречу шла женщина, одетая в форму железнодорожника.

- Здравствуйте, не подскажете, где мне увидеть начальника станции?

- Конечно, товарищ майор, Николай Тимофеич у себя в кабинете. Пойдемте, я вас провожу, здесь совсем рядом.

Коля постучал в дверь, на которой висела табличка «Нач. станции Н. Т. Новгородов». Услышал громовой голос – Заходите. За столом сидел моложавый мужчина, абсолютно лысый, с огромными пушистыми усами. В кабинете от табачного дыма плохо было видно хозяина кабинета.

- Проходи, майор. Тимофеичем все меня здесь зовут, а тебя? – по-простецки протянул руку.

Коля протянул руку – свой мужик, сразу видно.

- Николай Смирнов, – представился он.

- Рассказывай, тетка, за каким лешим я тебе понадобился? – и весело рассмеялся.

Коле сразу как-то стало легко, глядя на этого смешного, добродушного человека. Как-будто снова оказался среди своих фронтовых друзей.

– Тимофеич, летом 1941 года фашисты разбомбили вашу станцию. В это время здесь стоял санитарный эшелон. Вы в курсе, как тут все это было и где все похоронены?

Тимофеич сидел и молчал, смотря в окно, как будто ничего не слышал.

– Ты обратился точно по адресу, тёзка, – тяжело вздохнул и медленно произнес он. – Тогда я был здесь, на станции. Пошли, Николай, к братской могиле, там тебе расскажу, что помню. У тебя родственники в медэшелоне были?

– Да, отец и мать, врачи.

Они вышли из кабинета, и пошли по прочищенной от снега дороге в сторону леса.

– Николай, я не ошибся, твой отец – начальник эшелона, подполковник медицинской службы Иван Васильев?

– Как вы догадались, Николай Тимофеевич?

– А, что там гадать – одно лицо.

– Вы в этот день видели отца?

– Не только видел, да еще и успел поругаться с ним. Он зашел ко мне и стал требовать, чтобы срочно отправили эшелон с тяжелоранеными. Я ему говорю, что не могу, пока не пройдет литерный на Минск. Спросил, сколько ждать, я ему ответил, что примерно час. Пробормотал, что бардак у нас на станции и побежал к эшелону. Я почему-то его запомнил, у него вместо фуражки была одета медицинская шапочка. Видно сгоряча забыл ее снять. Через пять минут началась бомбардировка. Фашистские сволочи видели, что стоит санитарный поезд с ранеными. Видели они, конечно, красные кресты на вагонах, и все равно бомбили. Я уже очнулся дня через три в деревне. Местные утащили меня, контуженного, и спрятали в подвал старого дома. После бомбежки пришли

каратели, добивали раненых. Эсэсовцы спалили деревню, здоровых мужиков взяли в плен. Вот, Коля, все что помню. Когда очухался, переправился к партизанам, так всю войну и провоевал. Вот мы и пришли, Коля.

На братской могиле стоял небольшой обелиск, на нем табличка с фамилиями погибших. «Здесь в июле 1941 года при бомбардировке станции погибли...»

Первыми в этом списке – нач. санпоезда Васильев И. И., военврач – Смирнова В.Н... и еще много-много фамилий.

– Майор, тебе нужно побыть одному, меня найдешь на станции.

Коля положил цветы и присел на лавку. Слезы потекли ручьем.

– Папа, мама, наконец, я вас нашел. У меня жена, сын Юрка, я их очень люблю, как и они меня. Я стал дипработником, весной собираюсь с семьей в Италию. Вы не скучайте, я буду часто к вам приезжать. Мы будем жить за себя и за вас. Я вас очень люблю...

Коля шёл на станцию, прохожие здоровались, военные отдавали честь. Люди понимали, откуда идет этот молодой майор. Почти у каждого из деревни лежали в этой могиле родственники или знакомые. Как в тумане дошел Коля до станции. Постучал в дверь кабинета Николая. Послышался громовой голос:

– Заходи, что там стучаться. Тезка, а я тут уже стол накрыл. Проходи, присаживайся, чем богаты, тем и рады. Через два часа твой поезд, а покуда посидим, ты не против?

– Спасибо за все, Тимофеич, конечно нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sotin_yuriy/diplomat

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)